

АННА ВИНКЕЛЬМАН*

МАГНЕТИЗМ КУЛЬТУР**

О КНИГЕ РОБЕРТА ДАРНТОНА

Дарнтон Р. МЕСМЕРИЗМ И КОНЕЦ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ / ПЕР. С АНГЛ. Н. МИХАЙЛИНА, В. МИХАЙЛИНА. — М. : НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРЕНИЕ, 2021.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-4-323-336.

Интерес к неканоническим авторам стабильно растет. Это заставляет нас пересматривать понятие канона, расширяет культурные горизонты. При этом, когда мы говорим о новых лицах в интеллектуальной истории и философии, речь идет все же скорее о персонажах, чем об идеях. Иными словами, мы не исходим из того, что сейчас найдем у *наконец-то открытого* автора строчку, которая все перевернет и изменит. Именно поэтому, как я полагаю, нашими новыми героями становятся те, кто в свое время был известен — или скандально *не* был известен — в большей степени из-за своей *личности*, а не потому, что он или она сделали какое-то действительно уникальное научное открытие.

Такова фигура Франца Антона Месмера (1734–1815) — удивительно-го во всех отношениях персонажа. Его историк Роберт Дарнтон (род. 1939), известный русскоязычному читателю по знаменитому «Кошачьему побоищу» (Дарнтон, Доброницкая и Кулланда, 2002), выбрал его в качестве главного героя для микроисторического сюжета, которому посвятил свою работу «Месмеризм и конец эпохи Просвещения во Франции» (Дарнтон, Михайлин и Михайлин, 2021). Сама книга вышла еще в 1968 году, новой ее не назовешь никак — это уже классика.

На русский язык с английского и французского ее перевели Н. Михайлин и Е. Кузьминшин в 2021 году, издана она в «Новом литературном обозрении». Я не буду останавливаться на переводе, он хороший. В совокупности с отличным дизайном и очень — возможно лучшим для этой

*Винкельман Анна Михайловна, аспирант, преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), winkelmanhanna@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6340-6751.

**© Винкельман, А. М. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00100).

книги — издательством; получилось здорово. Впрочем, интересующиеся Францией, Германией, темой натурфилософии, да и самим Месмером книгу давно знают. Поэтому я среагирую на этот перевод в большей степени как на культурный феномен, причем с философских позиций. Я постараюсь не только представить тезис и аргументы Дарнтона, но и показать, какой важный и фундаментальный вопрос можно задать после прочтения этой книги. Кроме того, в конце текста я рискну предложить путь возможного развития тезиса Дарнтона, рассмотренного, как уже было сказано, с философских позиций, выводя на «магнетическое» поле еще и Россию XIX века.

Роберт Дарнтон — один из представителей *микроисторического* подхода. Его методология состоит в том, чтобы на примере одного очень небольшого события или персонажа раскрыть суть большой эпохи или даже продемонстрировать свой подход к истории вообще. Так как Дарнтон интересуется главным образом история дореволюционной Франции XVIII века; выбор Франца Месмера, немецкого врача, изобретателя «животного магнетизма», как главной фигуры может на первый взгляд показаться удивительным. Однако за сравнительно небольшое количество страниц автору удастся убедительно показать, почему *немецкий* врач (и отчасти философ) — лицо в том числе и французской истории.

Сколькими разными способами можно написать об одном и том же человеке! Основная сфера моих научных интересов связана с немецкой философией: от Канта до конца XX века. Поэтому для меня Месмер — прежде всего фигура, которая навела некоторую смуту в Берлинской академии наук, а еще автор, которого в целом очень позитивно оценивали выдающиеся представители немецкого идеализма, такие как Г. Гегель и Ф. Шеллинг. Поэтому если бы я писала о Месмере работу, то сосредоточилась бы на том, каким специфическим образом он перерабатывает еще античные представления о здоровье, гармонии, природе, как делает их применимыми (успешно или нет — отдельная дискуссия) в медицинской практике. Если же при этом нужно было бы отвлечься от научных разговоров, то я бы обратила внимание читателя на то, что внушительный успех Месмера был связан не столько с качеством его работ, сколько с ним как с *персонажем*, его личной *харизмой*, его собственным магнетизмом. Это человек, который сделал себе карьеру скорее шоумена, чем философа.

Гений Франца Месмера состоит в том, что он, прямо скажем, не обладая выдающейся или очень уж оригинальной теорией или академическим умом, все же смог войти в историю благодаря своей личности

и харизме. От Месмера — что свидетельствует только в пользу этого тезиса — можно провести множество ниточек как в разные страны, так и в разные направления философии и исследований культуры. Речь не только немецкой философии, которая в целом не так уж сильно оборонялась от порой мистических влияний. Месмер действительно внес вклад в историю медицины, послужил импульсом для развития психоанализа и альтернативной медицины. При этом в Германии он был скорее «ужасающим предупреждением», чем «хорошим примером». Но в случае Франции и России можно говорить и о позитивном влиянии. Его знали, любили, переводили, на него ссылались и готовы были перенимать его лечебные методы.

Можно связать работы Месмера и с философией техники. Тема магнетизма и электричества — одна из главных повесток XIX века — стоит на плечах (ну или хотя бы на одном плече) Месмера. Изучая его работы и их рецепцию, можно отследить, насколько тяжело происходила техническая революция, с каким трудом пробивали себе дорогу в нашу повседневность те явления, которые мы уже не считаем «высокими технологиями» (Barkhoff, 1995). Франц Антон Месмер обладает действительно магнетической силой: он притягивает к себе не только читателя, но и самых разных людей; по всей видимости, именно это делает его достойным монографии.

Главный же тезис Роберта Дарнтонa весьма радикальный и политический. Он считает, что Месмер существенно ускорил наступление Великой французской революции и даже значительно повлиял на умы (и тела) тех, кто был самым активным ее участником.

Свою книгу о Месмере и месмеризме Дарнтон сконструировал довольно необычно. Она имеет кольцевую композицию: введение «зеркалит», если не сказать «дублирует» заключение. Строго говоря, тезис всего один, его остается только повторить: Франц Антон Месмер создал учение, которое по довольно загадочным причинам привлекло политически активное сообщество предреволюционной Франции, и тем самым существенно ускорил *наступление* Революции, хотя, как можно отследить по архивным документам, то, что притягивало в учении Месмера, имеет мало отношения к тому, что он хотел бы сказать как практикующий врач и ученый. Более того, месмеризм в неявном виде продолжил свое существование и после Революции:

...месмеризм 1780-х годов создал значительную часть того материала, при помощи которого французы перенастроили после Революции свое видение

мира, и эти новые взгляды [...] для многих из них были ничуть не менее важны, чем первые железные дороги (Дарнтон, Михайлин и Михайлин, 2021: 188).

В отношении самого Месмера можно сделать вывод, который Дарнтон и делает, подчеркивая неоднозначный характер Месмера, что ему все же не удалось *отстоять* своего учения, оно в какой-то момент совершенно отделилось от своего автора. Отсюда можно было бы заключить, что, хотя историю идей мы связываем с конкретными личностями, чаще всего личность и оригинальная идея личности входят в нее по отдельности. По крайней мере, именно так получилось с Месмером.

Книга состоит из пяти глав, обстоятельной библиографии и нескольких приложений. Читателя, который с Месмером знаком, приложения могут заинтересовать даже больше, особенно «Лекции Бергасса по месмеризму» (там же: 208–212), описание того, как проходили встречи Общества вселенской гармонии (La Société de l'harmonie universelle), выдержка из критического сочинения Кондорсе, который настоятельно считает, что Месмера нужно отдать на строгий суд физиков, если он хочет убедить в своей правоте «кого-то здорового» (там же: 218). Будет справедливо дать реферативный обзор первой и последующих глав (1 глава — вводная, 2–5 — разные способы демонстрации одной и той же мысли).

Первая глава текста является самой вызывающей и увлекательной. Дарнтон рассуждает о месмеризме и *популярной* науке, буквально с первой строчки переворачивая представления читателя о том, каковы реальные — с его точки зрения — истоки Французской революции. Дарнтон отмечает «грандиозный провал» одних из самых важных, как кажется, документов предреволюционной эпохи — сочинений Руссо (там же: 11). Сегодня это звучит удивительным, но вкусам читающей публики во Франции XVIII века размах мысли Руссо близок не был. Куда больше их интересовала научно-популярная повестка, возможность полета на воздушных шарах, тема магнетизма и электричества. «Наука пленяла современников Месмера, раскрывая перед ними мир чудесных, невидимых глазу сил» (там же: 18). При этом интерес «читающей публики» к науке был любительским. Дарнтон описывает его почти с иронией; этот интерес носил скорее развлекательный, чем просвещенческий характер: «Середина 1780-х годов буквально пронизана духом любительского интереса к науке» (там же: 36); при этом

граница, отделяющая науку от псевдонауки (которая, заметим, и без того не отличалась четкостью вплоть до конца XIX века), практически стерлась (Дарнтон, Михайлин и Михайлин, 2021: 41).

Дарнтон подробно, привлекая многочисленные цитаты, фамилии, иллюстрации, описывает, как все это выглядело, с особым акцентом на публицистику той эпохи. При этом важно понимать, что Месмер был *самым ярким* представителем *большого движения*, назвать которое одним словом не так-то просто. В нем были сплетены в мистический клубок алхимии, колдуны, предсказатели, и это для 1780-ых годов было насколько естественно и нормально, что даже «полиция использовала их в качестве шпионов и информаторов» (там же: 45). Характерно, что сами эти колдуны и оккультисты, преимущественно последователи Месмера, даже, как пишет Дарнтон, *и не допускали* мысли о том, что их деятельность хоть как-то противоречит научным достижениям их эпохи. Месмеризм, «по выражению Лагарпа, „распространялся по Франции подобно эпидемии“» (там же: 51).

Главный философский вопрос: почему же это было так? В целом вывод самого Дарнтон такой: французы по большей части не интересовались политической теорией потому, что не осознавали приближения революции (там же: 52).

Политика обитала в далеком и обособленном Версале — подчас в форме интриг и подковерной борьбы между слабо отличимыми друг от друга придворными партиями (там же: 53).

Это было так вплоть до самого начала Революции. Однако тут есть настоящая исследовательская проблема: почему же именно *Франция*?

Строго говоря, и Дарнтон очень отчетливо про это пишет, кроме французов, никто *серьезно* к месмеризму не относился. В Германии, на родине Месмера, его преимущественно считали шарлатаном. Лишь немногие поддерживали его размышления, причем очень определенную их часть. Так, Гегеля¹ и Шеллинга² интересовали некоторые его

¹Г. Гегель посвящает достаточно большой раздел «Энциклопедии» Месмеру и магнетизму. Например, читаем у Гегеля: «Всеобщий интерес был привлечен к магнетическим состояниям только собственно животным магнетизмом, ибо только благодаря этому магнетизму была найдена сила, необходимая для выявления и развития всех форм этого состояния» (Гегель, Фохт, 1977: 163–165).

²Среди немецких идеалистов Шеллинг был первым, кто с энтузиазмом отнесся к месмеризму. В письме к Гегелю от 11 января 1807 года он обсуждает эксперименты с металлом, водой, гаданием и маятниками. Он рекомендует Гегелю воспроизвести эти

научные построения и в меньшей степени практика (хотя, согласно некоторым свидетельствам, Шеллинг прибежал и к практической стороне месмеризма, надеясь с помощью магнетизма вылечить дочь своей жены (Safranski, 2001).

Про это будет сказано позднее, но крайне интересно и, вероятно, совсем неслучайно, что Месмера как автора тепло приняли в России. Это говорит, пожалуй, о большей близости Французской культуры с русской, чем с немецкой. Почему? Что оказалось общего у русского и француза? Что позволило им попасть под влияние магнетического притяжения Франца Антона Месмера? Пока это открытый вопрос.

Со второй по пятую главу Дарнтон перебирает различные исторические свидетельства, последовательно сужая фокус с месмеризма как движения *вообще* до конкретных радикально политически настроенных его представителей, подступаясь тем самым к собственно революционным событиям. Начинает он с представления Месмера как *исторического* персонажа. Для тех, кто уже имел дело с Месмером, это очень важные несколько страниц (Дарнтон, Михайлин и Михайлин, 2021: 58–60). По ним можно сразу заключить о той оптике, об установке, с которой Дарнтон подходит к делу.

В начале речь уже шла о том, что успех месмеризма как движения действительно неразрывно связан с биографией и публичным образом Месмера³. Он, как полагает Дарнтон, оказал «заметное влияние на общество своего времени» (там же: 58), при этом

эксперименты самостоятельно и говорит, что это «настоящая магия, происходящая с человеческим существом; никакое животное к этому не способно» (цит. по Magee, 2001: 216). Кроме того, в период с 1809 по 1815 год Шеллинг активно использует понятия из словаря месмеризма (например, «раппорт», т. е. особый вид связи с пациентом, который применяется при лечении).

³Про Месмера на иностранных языках написано довольно много. Одна из самых лучших небольших обзорных работ принадлежит Е. Бенцу (Benz, 1997). Кроме того, биография Месмера интересно экранизирована в фильме Роджера Споттисвуда «Месмер» (1994). Существует несколько русских переводов текстов Месмера. Один из них — выдержки из доклада «Об открытии животного магнетизма». Содержательно это важный для понимания месмеризма текст, в нем изложены основные постулаты и идеи, однако перевод изобилует ошибками (Месмер, 2012). Самую общую идею, как мне кажется, из текста уяснить все же можно, но многочисленные недочеты следует иметь в виду. Есть и перевод поздней работы Месмера, из нее несколько сложнее уяснить суть общей программы месмеризма, она будет больше интересна тем, кто уже так или иначе знаком с его контекстом и фигурой (Месмер, 2020).

личность Месмера окутана столь плотной пеленой тайны, что не представляется возможным с уверенностью говорить даже о его принадлежности к числу шарлатанов (Дарнтон, Михайлин и Михайлин, 2021: 58).

Он не просто историческая фигура — к нему бы подошло слово «персонаж», которое я тут настойчиво употребляю. Как и у всех персонажей, биография Месмера яркая и сложная, он совсем не «кабинетный» алхимик. Про то, как, где, с кем он жил, написано довольно много. В конце книги Дарнтон дает большой обзор литературы на разных языках, на которую можно опереться (там же: 196–199). Вообще, психологический портрет Месмера он «собирает» на основании общеизвестных дат, мест, событий, дополняет это разными документами, за которые едва ли возьмется непрофессиональный историк. С одной стороны, это дает историческую объективность, с другой — теряется, возможно, самое увлекательное в Месмере — его магнетическая харизма. Мне представляется, что образ Месмера в целом передан адекватно. Единственное, что было упущено — впрочем о необходимости тут можно и поспорить, — так это некоторые романтические приключения Месмера, которые, я полагаю, все же сыграли не последнюю роль в его карьере, а также его общение с семьей Моцартов (Knubel, 2015).

У самого Месмера «стартовые позиции» не были исключительно высокими. Он родился в 1734 году в деревне Изнанг около Констанца. Он изучал медицину в Вене, где потом некоторое время работал практикующим врачом. В 1766 он получил степень доктора медицины за диссертацию «О воздействии планет на человеческое тело» (Дарнтон, Михайлин и Михайлин, 2021: 59), и вот отсюда мог бы начинаться подробный рассказ о его звездной карьере. Он открыл свою клинику, сходил и расхотел с коллегами; все это в изложении Дарнтон — впрочем на это есть основания — больше похоже на бизнес-план, нежели на занятия наукой или медициной. В Вене Месмер знатно со всеми переругался и решил отправиться в Париж. Этот сюжет хотелось бы увидеть в более подробном изложении, но Дарнтон, увы, говорит о нем вскользь. При этом он все время подчеркивает действительно определяющее обстоятельство: для Месмера *очень* важны были деньги. Главный его спонсор и, соответственно, второй главный герой самой этой книги — уже упомянутое Общество вселенской гармонии, Месмер был его казначеем. Учитывая, что накануне революции в него входило более 400 человек, и все — элита, «банкиры», Месмер в итоге стал самым богатым ученым Европы (там же: 63). Дарнтон остроумно отмечает, что

был ли Месмер шарлатаном или не был, очевидным остается одно: ему удалось извлечь максимум выгоды из своего учения (Дарнтон, Михайлин и Михайлин, 2021: 64).

Конечно, «тайные общества» были не единственной формой поддержки Месмера во Франции. Во многом его успех связан и с фигурой Шарля Делона, лейб-медика графа д'Артуа (там же: 61), а также многих других известных людей, которые «вовсе не были оккультистами» (там же: 71). Более того, Дарнтон перечисляет огромное количество фамилий из «группы поддержки», а вот открытого противника, получается, называет всего одного — Николя де Кондорсе. К месмеризму он относился крайне критически, утверждая, что правду от вымысла в нем отличить крайне затруднительно (там же: 72).

В целом количество второстепенных героев и привлеченных документов поражает. Учитывая, что книга нацелена не только на аудиторию профессиональных историков, то хочется даже спросить, зачем нужно было столько фамилий, дат и документов. Хотя с методологической точки зрения это вполне объяснимо: Дарнтону они дают возможность убедительно показать, что

месмеризм представлял собой нечто большее, чем обычную переходящую моду, он оказался страшно живуч и «продолжал процветать вплоть до начала революции» (там же: 73–78).

В единственный момент «спада» популярности месмеризм спасло сотрудничество со «сведенборгистами». С 1787 года они с месмеристами начали то, что мы сегодня назвали бы «коллабом» или совместными проектами. Последователи Сведенборга были разбросаны по всему миру, поэтому «нетворкинг» получился международный: месмеристы стали появляться самые разные — «страсбургские», «лионские» и др.

Однако рост популярности привел к тому, что чем ближе дело шло к Революции, тем больше исходная идея Месмера стала затуманиваться мистическими сюжетами (там же: 83). Иными словами, месмеристы куда меньше занимались лечебными практиками и наукой, чем раньше. Теперь их больше интересовали духи, сомнамбулы и темные силы природы. Дарнтон пишет, что «к 1786 году даже парижское Общество гармонии попало под сильное влияние спиритуалистов» (там же: 84). Более того, через пару лет эта тенденция вообще стала доминирующей. В этот момент Месмер уже не имел практически никакого отношения

к тому, что выросло в итоге из его идей. Он отправился сначала в Англию, потом в Австрию, потом вернулся на родину в Германию, где в 1815 году и умер.

Получается, что сам Месмер к *политической* повестке имел мало отношения. По крайней мере, в изложении Дарнтон Месмер — это человек, который куда больше интересовался собой и своим финансовым состоянием, чем политическими интригами. При этом его

идеал гармонии легко встраивался в формулу политического квиетизма, о чем свидетельствует содержащийся в одном из месмеристических памфлетов призыв к «слепому почтению, которое должно высказать правительству [...]. Ибо разве не говорилось уже о том, что любые действия и даже мысли, ставящие своей целью нарушение общественного порядка, противны природной гармонии?..» (Дарнтон, Михайлин и Михайлин, 2021: 89)

Впрочем, учитывая, что даже свои сеансы Месмер проводил, по остроумному выражению Дарнтон, «с оглядкой на статус» (там же: 90) своей клиентуры, то удивительного тут мало.

Во второй половине книги Дарнтону важно было довести свой радикальный, магнетически-притягательный тезис до конца. Для этого он постепенно сужает фокус от «месмеризма как движения» до разбора деятельности его радикальных представителей. Читателя ожидает много увлекательных историй о таких людях, как Бриссо, Карра, Бергасс, и о том, как они занимались

проработкой социального и политического аспектов теории месмеризма, добавляя к ней собственные идеи об «универсальной морали», о принципах законодательной деятельности (там же: 94).

Более того, что выглядит со стороны Дарнтон совсем уж радикально, он включает в повествование и Марата, отмечая, что «он симпатизировал Месмеру как собрату по борьбе против общего врага» (там же: 112) [Имеются в виду академические сообщества — прим. А. В.].

Таким образом, Дарнтон показывает, что месмеризм — это именно радикальная *политическая* теория, т. е. «оружие борьбы» против научной и литературной парижской элиты (там же: 128). Наконец, в заключительной главе Дарнтон демонстрирует, сколь колоссальным было влияние Месмера на культуру Европы. Учитывая, насколько неразрывно в Германии и Франции связаны эти понятия, аргумент действительно сильный. Дарнтон пишет там и про философию, и про литературно-романтическую традицию («Месмер помог поэту обрести чувство бесконечного» (там же: 177). Или (там же):

В своем эссе о Бальзаке Готье указывает, что его вымышленные описания месмеризма и подобных ему наук следует воспринимать всерьез. [...] Свою дружбу Готье и Бальзак скрепили верой в Месмеризм.

Кстати, собственно там, в литературе, месмеризм, как пишет Дарнтон, нашел свое последнее пристанище, а на «просвещение уже оставалось только оглядываться, видя лишь руины» (Дарнтон, Михайлин и Михайлин, 2021: 187).

Удивительно, но после выхода на русском языке книга не произвела магнетического фурора. Вышла пара рецензий (в «Новой газете» и на «Горьком»). В одной из них говорится, что в 1968 году — т. е. в оригинальном году выхода книги — в русскоязычном пространстве этот текст представить было вообще нельзя, слишком он был бы консервативным для историков. А не для историков? Кому такой текст может быть интересен и полезен? Что делать нам, гуманитариям, с этими вообще-то очень интересными тезисом и идеей?

Проблема самой книги, как я думаю, заключается отчасти в том, что читатель, который еще точно не знает, что в ней ищет, отбросит ее довольно скоро по двум причинам. Во-первых, после обманчиво завлекательного и стилистически популярного предисловия придется столкнуться с довольно непривычным жанром — историческим нарративом. Ясно, что книгу пишет историк, а не философ. Но Дарнтон *слишком* обстоятельно перечисляет факты и фамилии, многие из которых современному читателю неисторику неизвестны, и в этом его едва ли можно обвинить. Иными словами, это не проблема культурного уровня читателя — как мне кажется, тут дело скорее в том, что количество фактов перекрывают главную интригу и на самом деле крайне животрепещущий сюжет.

Но вернемся к тезису. Не получается ли так, что он совсем не однозначный, а, напротив, — сложный и требующий размышления? Например, следует ли из книги Дарнтон, что движение истории подвластно влиянию вот таких-то магнетических персонажей? Каковы реальные действующие силы политических процессов? Кроме того, меня лично очень привлекает сюжет о связи Месмера и России. Действительно получилось так, что французы и русские приняли Месмера не критично, даже любезно. Почему?

Дело ведь явно не в том, что политическая жизнь была хаотична и устраивалась по принципу «против кого дружить будем»?

О том, что Месмер был популярен в России, можно найти много свидетельств. Они подробно перечислены в блистательной монографии Константина Богданова «Врачи, пациенты, читатели». В разделе о месмеризме он демонстрирует многообразие образов Месмера в России: началось все с лечения⁴ магнитом зубных болей (Богданов, 2005: 183), но можно найти и куда более масштабные свидетельства. К месмеризму (в разных его обличьях, т. е. к животному магнетизму, сомнамбулизму и проч.) с интересом относились самые выдающиеся наши умы: Гавриил Романович Державин («Как ты лишь всем чудотворишь, // Девид и дам магнизируешь») отмечал, что «уже в 1786 году в Петербурге магнетизм был в великом употреблении» (там же). Да и Карамзин писал, что едва ли можно, путешествуя по Европе, не заметить, как популярен Месмер (там же).

Из этой же монографии можно узнать интереснейшую подробность: один из главных продолжателей традиции Месмера в России Даниил Михайлович Велланский воспринял учение Франца Месмера *опосредованно*, через Карла Александра Клуге⁵. Велланский был знаком с двумя изданиями его текстов 1811 и 1815 гг., а в 1818 сделал даже перевод на русский язык и, что самое интересное, добавил свою собственную часть к двум частям оригинала. Я обращаю на это внимание, так как изложение Клуге значительно более «научное» и метафизически цельное, чем то, что делал сам Месмер. Для Клуге и Велланского очень важно показать, что с точки зрения натурфилософии есть теснейшая связь материального и духовного, что движение природы подчинено живому (*lebendig*) принципу. Для Месмера же этот принцип является в большей степени спекулятивной предпосылкой, он просто принимает

⁴Месмеризм как способ врачевания действительно пользовался успехом в России. Читаем в тексте известного врача Данилевского В. Я.: «Врачебная практика *Месмера* приняла огромные размеры. Больные со всех сторон спешили к нему; слава его распространялась. Они составили целую школу, и в числе его последователей мы встречаем таких лиц, как *Гуфеланд*, *Гмелин* [...]. Открытие искусственно вызванного сомнамбулизма имеет еще огромное значение в том смысле, что здесь мы в большей степени имеем дело с реальными явлениями, а не последствиями лишь разгоряченного воображения, слепого доверия или даже просто обмана» (Данилевский, 1891: 13). Впрочем, Данилевский справедливо отмечает и то, что критиков месмеризма тоже было немало. Он подробно описывает известную ему историю развития движения и переходит к тому, как постепенно месмеризм (через английского врача *Бреда* и французских медиков *Шарко* и *Нанси*) уже почти полностью утрачивает все мистические коннотации и конвертируется в то, что мы сегодня скорее назвали бы психологией (там же: 14).

⁵Речь о тексте «Попытка изложения животного магнетизма как лечебного средства» Александра Фердинанда Клуге (Kluge, 1811).

его на веру, не обдумывает, делает из него те выводы, которые требует его настроение и настроение эпохи. Впрочем, как мы уже говорили, в этом тоже проявляется определенный гений Месмера.

Дискуссия о том, каковы философские основания медицины да и месмеризма (особенно в России), могла бы быть очень интересной. При этом лично меня все же волнует вопрос: почему радикальные умы России и Франции так радушно приняли учение Месмера? И почему не приняли его в Германии? Там он был лишь шутником; для немцев месмеризм — это развлечение. Возможно, строгий дух Канта так надежно укоренился в Германии, что не было для немцев никакой возможности поверить человеку, который считает возможными процессы почти мистические. Кант, как мы помним из его «Грез», любопытствующих о *потусторонних* процессах, просил *просто подождать*, в то время пока в этой жизни следует, по завету Вольтера, «возделывать свой сад». Но, по всей видимости, русская и французская души не таковы. Полярность Месмера оказалась для этих стран привлекательной, маняще свободной: недаром магнетизм в физике и философии до сих пор считается одним из самых удивительных и загадочных процессов, как и сама русская душа.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели : патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. — М. : ОГИ, 2005.
- Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. / под ред. Е. П. Ситковского ; пер. с нем. Б. А. Фохта. — М. : Мысль, 1977.
- Данилевский В. Я. Единство гипнотизма у человека и животных : речь проф. В. Я. Данилевского. — Харьков : Типография Адольфа Дарре, 1891.
- Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / пер. с англ. Т. Доброницкой, М. Кулланда. — М. : Новое литературное обозрение, 2002.
- Дарнтон Р. Месмеризм и конец эпохи Просвещения во Франции / пер. с англ. Н. Михайлина, В. Михайлина. — М. : Новое литературное обозрение, 2021.
- Месмер Ф. А. Из доклада об открытии животного магнетизма : пер. с нем. // Хрестоматия по истории медицины : учебное пособие / под ред. Д. А. Балалькина. — М. : Литтерра, 2012. — С. 267–272.
- Месмер Ф. А. Разъяснения о магнетизме и сомнамбулизме как предварительное введение в систему природы / пер. с нем. А. М. Винкельман // Наука. Искусство. Культура. — 2020. — Т. 28, № 4. — С. 64–84.
- Barkhoff J. Magnetische Fiktionen : Literarisierung des Mesmerismus in der Romantik. — Stuttgart : J. B. Metzler, 1995.

- Benz E.* Magnetische Fiktionen : Literarisierung des Mesmerismus in der Romantik. — Wiesbaden : Steiner, 1997.
- Kluge C. A. F.* E. T. A. Hoffmann : Versuch einer Darstellung des animalischen Magnetismus, als Heilmittel. — Berlin : Salfeld, 1811.
- Knuben T.* Mesmer oder die Erkundung der dunklen Seite des Mondes. — Tübingen : Klöpfer & Meyer, 2015.
- Magee G. A.* Hegel and the Hermetic Tradition. — London : Cornell University Press, 2001.
- Safranski R.* E. T. A. Hoffmann : Das Leben eines skeptischen Phantasten. — Frankfurt am Main : Fischer-Taschenbuch-Verl, 2001.

Winckelmann, A. M. 2021. "Magnetizm kul'tur [Magnetism of Cultures]: o knige Roberta Darntona [On a Book by Robert Darnton]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (4), 323–336.

ANNA WINCKELMANN

PHD STUDENT, LECTURER

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY "HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS" (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0001-6340-6751

MAGNETISM OF CULTURES

ON A BOOK BY ROBERT DARNTON

DARNTON, R. 2021. *MESMERIZM I KONETS EPOKHI PROSVESHCHENIYA VO FRANTSII [MESMERISM AND THE END OF THE ENLIGHTENMENT IN FRANCE]* [IN RUSSIAN]. TRANS. FROM THE ENGLISH BY N. MIKHAYLIN AND V. MIKHAYLIN. MOSKVA [MOSCOW]: NOVOYE LITERATURNOYE OBOZRENIYE

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-4-323-336.

REFERENCES

- Barkhoff, J. 1995. *Magnetische Fiktionen: Literarisierung des Mesmerismus in der Romantik* [in German]. Stuttgart: J. B. Metzler.
- Benz, E. 1997. *Magnetische Fiktionen: Literarisierung des Mesmerismus in der Romantik* [in German]. Wiesbaden: Steiner.
- Bogdanov, K. A. 2005. *Vrachi, patsiyenty, chitateli [Doctors, Patients, Readers]: patograficheskiye teksty russkoy kul'tury XVIII–XIX vekov [Pathographic Texts of Russian Culture of the XVIII–XIX Centuries]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: OGI.
- Danilevskiy, V. Ya. 1891. *Yedinstvo gipnotizma u cheloveka i zhivotnykh [The Unity of Hypnotism in Humans and Animals]: rech' prof. V. Ya. Danilevskogo [Prof. V. Y. Danilevsky's Speech]* [in Russian]. Khar'kov: Tipografiya Adol'fa Darre.
- Darnton, R. 2002. *Velikoye koshach'ye poboishche i drugiye epizody iz istorii frantsuzskoy kul'tury [The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History]* [in Russian]. Trans. from the English by T. Dobronitskaya and M. Kullanda. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.

- . 2021. *Mesmerizm i konets epokhi Prosveshcheniya vo Frantsii* [*Mesmerism and the End of the Enlightenment in France*] [in Russian]. Trans. from the English by N. Mikhaylin and V. Mikhaylin. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Hegel, G. W. F. 1977. [in Russian]. In *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [*Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse*], ed. by Ye. P. Sitkovskogo, trans. from the German by B. A. Fokht. 3 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Kluge, C. A. F. 1811. *E. T. A. Hoffmann: Versuch einer Darstellung des animalischen Magnetismus, als Heilmittel* [in German]. Berlin: Salfeld.
- Knuben, T. 2015. *Mesmer oder die Erkundung der dunklen Seite des Mondes* [in German]. Tübingen: Klöpfer & Meyer.
- Magee, G. A. 2001. *Hegel and the Hermetic Tradition*. London: Cornell University Press.
- Mesmer, F. A. 2012. "Iz doklada ob otkrytii zhiivotnogo magnetizma [Abhandlung über die Entdeckung des tierischen Magnetismus]" [in Russian]. In *Khrestomatiya po istorii meditsiny* [*A Textbook on the History of Medicine*]: *uchebnoye posobiye* [*Study Guide*], ed. by D. A. Balalykin, 267–272. Moskva [Moscow]: Litterra.
- . 2020. "Raz'yasneniya o magnetizme i somnambulizme kak predvaritel'noye vvedeniye v sistemu prirody [Allgemeine Erläuterung über den Magnetismus und den Somnambulismus]" [in Russian], trans. from the German by Vinkel'man Mesmer. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [*Science. Art. Culture*] 28 (4): 64–84.
- Safranski, R. 2001. *E. T. A. Hoffmann: Das Leben eines skeptischen Phantasten* [in German]. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verl.